

зей. То, что автором перевода является профессиональный историк, работающий в смежной области, облегчает восприятие работы и её основных идей русскоязычными читателями.

Примечания

¹ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 116—121.

² Sinigaglia R. Genova e Russia. La missione Rivarola a Pietroburgo (1783—1785). Genova, 1994; Sinigaglia R. Rapporti diplomatici tra Russia e Genova. La missione Mordvinov. (1782—1786). Genova, 2006. Отмечу, что Р. Синигалье принадлежит работа, посвящённая российскому посланнику А. Лизакевичу, находившемуся в Генуе в 1790-х гг. (Sinigaglia R. Fervori giacobini

e lotta antioligarchica. Genova in alcune lettere dell'ambasciatore russo Lizakevic (1793—4) // Miscellanea storica ligure. Anno XV. Vol. 2. Genova, 1984. P. 479—513).

³ Берти Дж. Россия и итальянские государства...; Шаркова И. С. Русские и итальянские записки об установлении прямых торговых связей между Россией и Италией в последней трети XVIII в. (по материалам архива Воронцовых) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. Л., 1976; Cavalcanti M.L. Le relazioni commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777—1815. Fatti e teorie. Genève, 1979; Risaliti R. I rapporti commerciali commerciali tra la Russia e la Toscana // Archivio storico italiano. A. 136. Disp. 3—4. 1978.

⁴ Берти Дж. Россия и итальянские государства... С. 96—97.

⁵ Там же. С. 340.

Олеся Плех

Рец. на: Ф.Л. Севастьянов. Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб.: Круга, Победа, 2016. 552 с.

Olesya Plekh

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: F.L. Sevast'yanov. Gosudarstvennaya bezopasnost' yest' predmet uvazhitel'nyy: Politicheskii rozysk i kontrol' v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I. Saint Petersburg, 2016

DOI: 10.31857/S086956870007420-3

В монографии Ф.Л. Севастьянова, ставшей результатом многолетнего целенаправленного труда¹, представлен «комплексный анализ феномена высшей полиции как неотъемлемой части государственного аппарата» первой четверти XIX в. (с. 19). Не случайно в названии книги звучат слова М.М. Сперанского, утверждавшего, что «внутренняя государственная безопасность есть столько же предмет уважительный и обширный, как и все другие части государственного управления». Нельзя не согласиться с Севастьяновым в том, что изучение ста-

новления и развития полицейских учреждений в России позволяет «лучше понять логику функционирования государства вообще и государственной машины России того времени в частности» (с. 68). И в этом отношении автору удалось в значительной степени восполнить пробел, существовавший в отечественной историографии.

Структура монографии вполне логична и соответствует поставленным в ней задачам. В первой главе автор поясняет теоретические положения своего исследования и используемые в нём понятия. Устоявшиеся

выражения «политический розыск», «политическое преступление», «полиция» Севастьянов обоснованно признаёт размытыми и неточными, предпочитая употреблять общепринятые в первой четверти XIX в. правовые термины «высшая полиция» и «государственное преступление», что позволяет избежать разночтений при работе с источниками. В профессионально выполненном историографическом обзоре верно отмечена взаимосвязь между оценками деятельности высшей полиции александровского времени в том или ином научном труде и спецификой того периода, когда он был написан.

Источниковая база исследования включает законодательные акты, делопроизводственные и статистические материалы и документы личного происхождения. Наряду с нормативно-правовыми актами, регулировавшими деятельность полицейских органов, автор проанализировал проекты и записки, составлявшие для Александра I М.М. Сперанским, А.Х. Бенкендорфом, И.В. Васильчиковым, А.Д. Балашовым и др. Как справедливо отметил Севастьянов, в них отражался сложный и противоречивый процесс «правительственных исканий в области организации высшей полиции в России» (с. 68).

Особый интерес представляет выявленный историком корпус официальной документации различных учреждений высшей полиции. Это обширная, разнородная и в большинстве своём неопубликованная группа источников, заметно обогатившая книгу. Севастьянов обстоятельно изучил фонды Департамента полиции исполнительной МВД (РГИА, ф. 1286), Комитета охранения общей безопасности при Государственном совете (РГИА, ф. 1163), Особенной канцелярии министра внутренних дел (ГА РФ, ф. 1165) и III отделения

Собственной его императорского величества канцелярии (ГА РФ, ф. 109). В своём исследовании он указывает на особенности их структуры и распределения документов по описям, что, безусловно, поможет всем, кто будет обращаться к ним в дальнейшем. При этом автор учитывает, что «первая четверть XIX в. являлась временем, когда российская министерская бюрократия лишь переживала период становления, и формы делопроизводства ещё далеко не устоялись, не была чётко определена номенклатура документации и т.д.» (с. 68). Но, к сожалению, в тексте нет источниковедческой систематизации собранного архивного материала и не указано, как именно он обрабатывался.

В первой главе читатель найдёт и характеристику личности Александра I, чьи «субъективные пристрастия» и «изменявшиеся с годами политические убеждения» влияли на развитие и реформирование системы управления страной (с. 25). По мнению Севастьянова, идеи Просвещения являлись органичной частью мировоззрения императора, желавшего «не покарать, не искоренить, а... умиротворить всяческое недовольство». Как и А.Е. Пресняков, автор монографии считает, что «недостижимость этого желания была в значительной мере детерминирована утопичностью задачи, которую император поставил перед собой» (с. 102). Тем не менее монарх «лично определял характер и направленность всех действий верховной власти в области упразднения, воссоздания и поисков оптимальной формы организации органов охраны безопасности государя и государства» (с. 92). Более того, именно «в вопросах организации высшей полиции... в полной мере проявилось желание Александра I, создавая параллельные и дублирующие друг друга структуры, осуществляя “блокирующие” на-

значения, обезопасить свою власть» (с. 103).

Во второй главе Севастьянов разъясняет о том, «каким образом российские правящие круги в начале XIX столетия пришли к осознанию необходимости переустройства высшей полиции на новых основаниях и какие формы организации этой государственной службы были предложены» (с. 118). В первой четверти XIX в. автор выделил три периода, в каждый из которых реформирование полицейских органов определялось изменением ценностных ориентаций и желаний императора. В 1801—1805 гг. наиболее ярко проявилось стремление Александра I разрушить доставшиеся ему в наследство структуры тайного сыска. В 1805—1812 гг. он предпринял попытку создать «целую систему органов по обеспечению безопасности государя и государства», главной задачей которых стала борьба с «французскими агентами» (с. 202). В 1812—1825 гг. влияние органов, созданных в предшествовавшие годы, постепенно слабело вплоть до полного прекращения их деятельности. Таким образом, «высшие полицейские структуры вместе со всем государством и его аппаратом эволюционировали от предвоенной тревоги начала 1812 г. к обстановке “управления страной с почтовой коляски” послевоенного времени» (с. 203).

Главными чертами работы высшей полиции, по мнению автора, была секретность и дублирование. «Многие создававшиеся при Александре I органы борьбы с государственными преступлениями имели секретный характер», что объяснялось «боязнью нежелательного общественного резонанса в связи с самим фактом их учреждения» (с. 203), противоречившим идее законности, как её понимал император (с. 139). Дублирование органов и функций проявлялось

в том, что «подозрительный царь, как правило, не довольствовался учреждением одного общеимперского ведомства соответствующего профиля, предпочитая, подобно Наполеону, получать сведения “о преступлениях важных” из разных независимых (а лучше — конкурирующих) источников» (с. 167). Этим «параллелизмом» он «гарантировал сохранность своих монарших прерогатив» (с. 147).

Севастьянов обращает внимание читателей на непоследовательность императора. «Александр I всерьёз интересовался вопросами организации высшей полиции и старался держать под личным контролем деятельность органов государственной безопасности» (с. 118—119), но на практике он децентрализовывал их работу, что, несомненно, вносило в неё полный разлад. В итоге, после десятилетних преобразований, «к началу Отечественной войны Россия подходила с чрезвычайно запутанной структурой высших полицейских учреждений, что не могло не отразиться на качестве их деятельности» (с. 179). А в послевоенный период, избавившись от бдительного надзора царя, высшая полиция не только не пыталась расширить свои полномочия, но пришла в «состояние “ничтожества”» (с. 201).

Не поддерживал император и попытки формализации полицейской службы в городах и губерниях, соглашаясь финансировать работу своеобразных местных «спецслужб», создаваемых губернаторами, он «отказывался утверждать какие-либо учредительные документы или штатные расписания» (с. 194). В ещё худшем положении оказывалась «полевая» агентура, деятельность которой «не регулировалась никакими официальными документами». Такая организация высшей полиции на региональном уровне, сложившаяся, по мнению автора, «с ведома верховной власти»

(с. 197), явно свидетельствовала о непродуктивности и противоречивости политики Александра I.

Третья глава раскрывает «кадровые вопросы организации высшей полиции» — численность сотрудников, их материальное и общественное положение, уровень профессиональной подготовки. Севастьянов понимал значимость точного подсчёта личного состава полицейских учреждений для оценки их эффективности (с. 214). Однако из-за фрагментарности данных, сохранившихся в источниках, ему удалось показать лишь, сколько человек могло служить в центральном аппарате по имевшимся штатным расписаниям. О степени их обеспеченности, социальном статусе и профессионализме автор пишет на основе мемуарных свидетельств. По его словам, «штатные расписания учреждений высшей полиции были составлены таким образом, что большинство чиновников получали не менее пятисот-шестисот рублей в год, что давало возможность сводить концы с концами» (с. 234) даже в столице, где сосредоточивалась «вся деятельность по обеспечению безопасности государства и государства» (с. 257). Отвечавшие за неё служащие не представляли «какой-либо более или менее однородной массы, объединённой корпоративными связями» (с. 257). Среди них Севастьянов выделил три группы: «представители высшей бюрократии, министры и сенаторы», «чиновники аппаратов центральных и высших государственных учреждений», «агенты-осведомители», проживавшие как в Петербурге, так и в провинции и составлявшие «обособленные группировки, главным объединяющим фактором в которых являлась работа на того или иного сановника — будь то министр полиции, губернатор и т.д.» (с. 258).

Четвёртая глава объединяет очерки, в которых рассказывается о сенаторе А.С. Макарове, министре полиции А.Д. Балашове, шефе жандармов А.Х. Бенкендорфе, Я.И. Ростовцеве. Сам автор признаёт, что эта «подборка биографий носит случайный характер», а выбор персоналий обусловлен состоянием источников (с. 269). Севастьянову было важно выявить «типичные ситуации жизненного выбора и типичные траектории карьерного поведения» дворян, оказывавшихся в рядах высшей полиции или соприкасавшихся с ней (с. 343). Собранные им сведения весьма «полезны для понимания того, как формировалась и действовала на человеческом уровне александровская высшая полиция» (с. 343), они, несомненно, обогатили и оживили исследование. Однако трудно сказать, насколько их можно считать типичными для первой четверти XIX в.

В пятой главе говорится о правовой регламентации основных направлений полицейской практики. В ней убедительно констатируется, что «органы государственной безопасности вынуждены были работать, основываясь на абсолютно архаичной правовой базе, состоявшей из законодательных актов XVII—XVIII вв.» (с. 462). Проекты новых законов оставались на бумаге, а правительству приходилось «явочным порядком корректировать действовавшие правовые нормы в соответствии с задачами текущего момента» (с. 462—463). Впрочем, как не раз указывали исследователи, едва ли не все административные органы того времени, в столицах и на местах, сталкивались с тем, что законодательство не отвечало потребностям развития государства. Так, «хотя в первой четверти XIX в. наметилась тенденция к либерализации российского законодательства в духе идей Наказа Екатерины II» (с. 377), государствен-

ные преступления «всё ещё во многом воспринимались верховной властью едва ли не как личное дело государя императора». Неудивительно, что «процесс по таким делам фактически окружал правовой вакуум» (с. 408). В нормативных актах компетенция государственных структур, в том числе и высших полицейских учреждений, определялась очень широко, но в реальности их функционирование зачастую зависело от меняющихся обстоятельств и возникающих «практических задач» (с. 422, 435). Поэтому выяснить, чем собственно занимались органы высшей полиции, отнюдь не просто. Как утверждает автор монографии, основными направлениями их деятельности являлись наблюдение за настроениями населения, выявление «болтунов», произносивших «продерзостные слова» или распространявших нежелательные слухи, а также пресечение шпионажа (в период конфронтации с Францией) (с. 463).

В заключении Севастьянов отметил, что в первой четверти XIX в. под влиянием наполеоновской угрозы Александр I и его советники перешли от полного отрицания предшествующего опыта тайного сыска к осознанию необходимости создания высшей полиции для защиты государственных интересов, однако оптимальной формы её организации найдено не было. А утрата императором в послевоенные годы интереса к внутривластным делам ослабила и без того неэффективную систему надзора. «Вместо эпилога» автор излагает свои соображения о реорганизации высшей полиции при Николае I, идеях М.Я. фон Фока и А.Х. Бенкендорфа и создании III отделения Собственной его императорского величества канцелярии. «Но вопрос о том, чем этот орган был на начальном этапе своего существования в первую очередь — структурой политического розыска или каналом

общения монарха и подданных, — по словам историка, — пока остаётся без однозначного ответа» (с. 501).

Монография Ф.Л. Севастьянова представляет собой комплексное, завершённое исследование, основанное на широком круге архивных и опубликованных источников. Книга написана хорошим научным языком, учитывает современные достижения отечественной и зарубежной историографии и вносит существенный вклад в изучение не только высшей полиции, но и российской государственности в целом.

Примечание

¹ См., например: *Севастьянов Ф.Л.* Комитет охранения общей безопасности: крах попытки организации службы политической полиции на межведомственной основе // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 160—169; *Севастьянов Ф.Л.* Ура! Теперь всё можно?! // Родина. 1999. № 9. С. 52—56; *Севастьянов Ф.Л.* Проблема организации «высшей полиции» в ходе государственных преобразований в России начала XIX в. // Клио: Журнал для учёных. 1999. № 3(9). С. 110—117; *Севастьянов Ф.Л.* Полиция высшего разряда: «Когорта добродыслящих соглядатаев» // Родина. 2001. № 9. С. 52—54; *Севастьянов Ф.Л.* «Высшая полиция» в России // Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802—2002). СПб., 2001. С. 67—83; *Севастьянов Ф.Л.* «Привести в полную известность»: пытки, допросы и доносы в XVIII—XIX веках // Родина. 2002. № 3. С. 57—62; *Севастьянов Ф.Л.* Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России. Политический розыск в России: XV—XX века / Сост. В.С. Измозик. М.: СПб., 2002. С. 201—248; *Севастьянов Ф.Л.* Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX века // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VI. СПб., 2004. С. 308—333; *Севастьянов Ф.Л.* Законодательство о государственных преступлениях в России в первой четверти XIX века // Новый часовой. 2004. № 15/16. С. 356—363; *Севастьянов Ф.Л.* «А правосудие уже и весьма в слабость пришло» // Родина. 2009. № 2. С. 46—49; *Севастьянов Ф.Л.* «Внутренняя государственная безопасность есть предмет уважительный» // Родина. 2011. № 7. С. 58—61; *Севастьянов Ф.Л.* Первый и единственный министр полиции // Родина. 2012. № 11. С. 34—37; и др.